

Использованная литература

1. Дарвин, Ч. Происхождение человека и половой отбор. // www.vivovoco.rsl.ru/vv/PAPERS/BIO/DARWIN/DESENT/RACE.HTM – Дата выхода: 14.05.2013.
2. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986. – 578 с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 1. / В.О. Ключевский. – М.: «Мысль», 1987. – 430 с.
4. Становление и развитие белорусской государственности / А.Г. Кохановский [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – 44 с.
5. Марджори, К. Первобытные люди. Быт, религия, культура / К. Марджори. Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 238 с.
6. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч.1.– Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.
7. Филин, С. Концепция современного естествознания: конспект лекций // www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/Filin/0.5.php. – Дата выхода: 14.05.2013
8. Фурса, Е.Я. Мироздание – мир волн, резонансов и...ничего более / Е.Я. Фурса. – Минск: УниверсалПресс, 2007. – 480 с.
9. Энгельс, Ф. Введение к «Диалектике природы» // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1970.– 644 с. www.koob.ru – Дата выхода: 14.05.2013.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КООРДИНАТ

Семёнова Л.Н., доктор исторических наук, доцент

Постмодернизм, ставший методологической основой современной постнеклассической науки, во многом способствовал потере у историков интереса к теоретическим вопросам. Постмодернистская стилистика переводит вектор исследовательской деятельности с постижения сущности объекта к его авторскому представлению и пониманию. Уход в культурологические, психологические, герменевтические, лингвистические аспекты стал для многих историков компенсацией за разочарование в марксистско-ленинской и других классических теориях. Между тем, потребность в теоретическом осмыслении исторического процесса по-прежнему актуальна, и в

условиях сегодняшней нестабильности, конфликтности, нарастающих кризисов только усиливается.

Одной из важнейших теоретических проблем всегда будет оставаться система координат для организации исторического материала. Основополагающими в этой системе являются минимум две координаты: временная, определяющая сущность исторических периодов, и пространственная, находящая компромисс между политическими, региональными, цивилизационными и прочими границами. Устоявшаяся система координат применяется в учебном процессе.

Обратимся к общим курсам и учебной литературе по истории Беларуси. В рамках политической истории сложилась политическая периодизация пребывания белорусских земель в составе разных государств: Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза, и, наконец, суверенной Республики Беларусь. Что касается общеисторической периодизации, в которой учитываются тенденции мирового исторического процесса, а также сущность общественного устройства, включая экономическую, социальную, политическую и идеологическую системы общества, здесь далеко не все очевидно. Например, «История Беларуси» в шести томах сначала представляет материал с учетом общеисторической периодизации, например, генезис феодальных отношений на белорусских землях, Беларусь на склоне феодально-крепостнической эпохи, становление буржуазного общества. Однако история Беларуси XX в. трактуется преимущественно в рамках политической периодизации, например, Советская Беларусь в условиях тоталитарной системы, укоренение административно-командных методов в экономике и т.д. [7].

Согласно общеисторической периодизации, всемирную и европейскую историю принято делить на первобытную (3 млн. лет до н.э. – IV–III тыс. до н.э.), древнюю (IV–III тыс. до н.э. – V в. н.э.), средневековую (V–XV вв.), новую (XVI–начало XX в.) и новейшую (XX–XXI вв.). Главным критерием разделения древней и первобытной истории выступает политогенез – происхождение государства. Государственность у славян формируется существенно позже других народов. Поэтому в отечественной историографии, школьных и вузовских учебниках и атласах периоды первобытной и древней истории, как правило, объединяются в один период древней исто-

рии. Однако, на наш взгляд, формула «Беларусь в период первобытной и древней истории» в соответствии с общепринятой хронологией всемирной истории точнее подчеркивала бы общемировой контекст исторических процессов на белорусской территории. Одно дело, борьба за выживание людей каменного века, и совсем другое, миграции индоевропейцев в условиях существования крупнейших древних империй в период бронзового и железного веков.

В белорусской историографии утвердились следующие характеристики исторических этапов в контексте общеисторической периодизации. Для Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, развивавшихся в эпоху средних веков и раннего нового времени, характерен феодализм. В Российской империи в эпоху нового времени при феодально-крепостнической системе складывался капитализм, который после отмены крепостного права получил простор для своего развития. Советский Союз в период новейшего времени – социалистическое государство. Наиболее частые характеристики суверенной Республики Беларусь – белорусская модель социально-экономического развития, социально-ориентированная рыночная экономика и т.д. Таким образом, представлена четкая схема прогрессивного исторического процесса Беларуси: древность – феодализм – капитализм – социализм – белорусская модель.

С одной стороны, в отечественной историографии подобные периоды и их характеристики связываются с «формационной теорией» К. Маркса, причем в советском обществоведении «формационная теория» приобрела собственные очертания. Это известная с 1930-х гг. «пятичленка» в виде первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций. Отношение к этой теории предельно точно выражено, например, в учебно-методическом пособии под ред. В.И. Голубовича и Ю.Н. Бохана: «В конце концов, формационный подход в истории не выдержал проверки временем и уступил место более научно обоснованному подходу – цивилизационному» [11, с. 7].

Но, с другой стороны, логика и категориальный аппарат советской формационной теории воспроизводятся в учебной литературе с удивительным постоянством. Упомянутое учебно-методическое пособие под редакцией В.И. Голубовича и Ю.Н. Бохана, претендующее на изложение истории Беларуси в контексте мировых ци-

визаций с точки зрения цивилизационного подхода, в лишь добавляет в утвердившуюся схему некоторые понятия: становление христианской цивилизации, индустриальной цивилизации, становление нового уклада жизни (1917 – 1920 гг.), соревнование и конфронтация двух социально-политических систем и т.д.

Безусловно, сложившаяся схема логична и обладает мощным объяснительным потенциалом, хотя уже накоплено множество фактов, показывающих несоответствие реальной исторической практики классическим теоретическим постулатам. Кроме того, сам факт, что все категории и теории феодализма, капитализма, социализма, за исключением, естественно, «белорусской модели», были сформированы в XIX в., заставляет задуматься о востребованности современной теоретической мысли. Гуманитарная наука XX в. достаточно интересна и плодотворна. Новые концепции вполне имеют шанс не только дополнить и развить, но даже и потеснить советскую формационную теорию. Но сначала обратимся к теоретическим положениям самого К. Маркса, которые гораздо более глубоки и диалектичны, чем интерпретации марксистско-ленинской философии.

К. Маркс не разрабатывал теорию формаций. Одним из первых понятие «общественно-экономическая формация» ввел Г.В. Плеханов, затем его подхватил В.И. Ленин. В ходе продолжительных дискуссий в советском обществоведении 1930-х гг. И.В. Сталин предложил теорию общественно-экономических формаций, которая из его работ перешла в учебники по истории КПСС, намертво сцементировав все последующие исторические построения советского обществоведения. Будучи гегельянцем и разделяя идею Гегеля о триадах в мышлении, К. Маркс выделял три и только три общественные формации: первичную (архаическую), вторичную (экономическую) и третичную (коммунистическую). Определение «экономическая» относится лишь к вторичной формации, означая первостепенную роль в ней экономической деятельности, основанной на труде, понимаемом в качестве внешней материальной необходимости. В соответствии с философией К. Маркса это – «царство необходимости», тогда как при третичной формации человечество вступит в «царство свободы». В экономической формации К. Маркс насчитывал несколько способов производства: «... в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрес-

сивные эпохи экономической общественной формации» [15, с. 138]. Вот она, часто цитируемая и породившая столько загадок и разночтений, формулировка К. Маркса из работы «К критике политической экономии». Отсюда логично вытекает вывод о том, что способы производства присутствуют в формации, сменяют друг друга, возможно, и сосуществуют. В этой формуле мы видим и азиатский, по поводу которого было сломано немало копий, и античный, а не рабовладельческий, способы производства. Итак, способ производства не сам по себе, а в контексте формации. А ведь еще следует учитывать пространственный, культурный, цивилизационный фон. Не случайно К. Маркс наряду с абстрактными понятиями применял географический термин – азиатский способ производства. Нельзя не признать, что в любом обществе существует некий смыслообразующий стержень, культурный код, в рамках которых задаются направления и формы всей человеческой деятельности, включая экономическую.

Обратимся к современной авторской концепции восточной и западной структур общества известного востоковеда Л.С. Васильева. Эти структуры вырастают, исходя из идейно-институциональной основы, о которой Л.С. Васильев пишет, что «именно и только она, а не что-либо иное, становится с течением времени фундаментом, определяющим образ жизни и конкретные формы существования любых человеческих общностей во всем их невообразимом многообразии» [5, с. 17]. В эпоху древней истории начинается формирование цивилизаций и расхождение цивилизационного пути по двум основным магистралям: Восток – Запад. Цивилизация Запада техногенна, постоянно пребывая в состоянии модернизации. Ее история динамична и прерывиста, исторические периоды качественно отличаются друг от друга, поскольку в них складываются принципиально новые формы общественного устройства: в древности – античный капитализм; средневековье – феодализм; новом времени – первоначальное накопление капитала, индустриальный капитализм; новейшем времени – индустриальный и постиндустриальный капитализм. Цивилизации Востока традиционны, устойчивы, нацелены на сохранение социальной стабильности. Западная периодизация весьма условна для истории Востока, выступая экстраполяцией западных реалий на восточную историю. Идеино-институциональной основой восточных цивилизаций является азиатская командно-ад-

министративно-распорядительная структура, феномен власти-собственности, по терминологии Л.С. Васильева. Восточное государство абсолютно довлело над обществом, подчиняя себе и способы производства, и экономические, и социальные отношения. Основой общественных отношений выступала властная вертикаль. Политогенез во всех обществах древнего мира, от Китая до Египта, начал развиваться по этому пути. Но в гомеровской Греции произошла революционная трансформация, вызвавшая к жизни принципиально другую идейно-институциональную основу и породившую ее западную рыночно-частнособственническую структуру. Государство выступало в ней организатором рыночных, частнособственнических отношений, гражданского общества, системы права. Социально-политические отношения разворачивались по горизонтали взаимодействия (борьбы и сотрудничества) государства и гражданского общества (об алгоритме политогенеза см. 4, с. 47–83).

Основополагающую роль и в восточной, и в западной структурах играли власть и государство. Сначала политогенез, потом социогенез. Проиллюстрируем это концепцией двойного структурирования социального пространства французского философа П. Бурдьё. Согласно его концепции, в социуме постоянно происходит структурирование по объективным признакам на определенные общности: экономические, языковые, конфессиональные, культурные и другие. Но оно лишь намечается и не всегда должным образом осознается, пока на субъективном уровне процессы дифференциации не подчинит себе политическая власть. Символическая власть, как правило, государственная, называет складывающиеся структуры, сообщает им смысл и назначение, что приводит к структурному оформлению социума, социальной организации экономики. П. Бурдьё пишет, что любые группы, классы «должны быть “сформированы”». Они не являются данностью, присущей социальной реальности» [2, с. 142]. Трудно переоценить роль государства в формировании экономических укладов и способов производства. Восточное государство, подчиняя себе экономические отношения, сосуществовало с экономическими укладами: рабовладельческим, феодальным, капиталистическим. Взаимодействуя с западными государствами, экономические процессы в Европе становились доминирующими способами производства, определяющими все общественное устройство: феодализм, капитализм.

Восточная и западная структуры не привязаны накрепко к географии. Политогенез до определенных стадий везде развивался одинаково. Расхождение на западные и восточные структуры зависит от случайного сочетания самых разнообразных факторов: природных, экономических, политических. Чаще всего эти структуры становились следствием сознательно выбранных политическими элитами страны политических курсов. Тогда они эволюционировали, сменяя друг друга, в одном обществе, приравливаясь к конкретному культурно-цивилизационному коду, коррелируя с идейно-институциональной основой. Кстати, для государства, как правило, проще, понятнее, надежнее обратиться к восточной структуре (административно-командной), нежели к западной (договорной, рыночной), требующей особой культуры и толерантности. Это хорошо видно в сложные периоды жизни государства: военные, кризисные.

Выделение восточной и западной общественных структур вполне органично вписывается в геополитическую дихотомию сухопутных цивилизаций (теллуократических) и морских (талассократических), которые также весьма подвижны в своих пространственных очертаниях. Логично предположить, что теллуократические цивилизации, как цивилизации земледельческие, располагающие большой сухопутной территорией, консервативные, традиционные, ориентированные на ценности патернализма и иерархии, базируются на восточной структуре. Талассократические цивилизации – торговые, склонные к динамическому развитию, гибкости, представляют из себя Запад. Краеугольным постулатом геополитики является противостояние двух типов цивилизаций, борьба Суши и Моря, Бегемота и Левиафана, постоянно воспроизводимая в разных исторических контекстах борьба Рима и Карфагена, Российской и Британской империй, евразийства и атлантизма. Цель динамичного Запада в этой борьбе заключается в подчинении консервативного Востока, в контроле над внутренней частью Евразии – «хартлендом» (сердечной землей), которая в результате процессов длительной кристаллизации воплотилась в России – СССР. Важной деталью данного геополитического расклада является выделение вокруг хартленда постоянно меняющейся береговой зоны – римленда. В эпоху нового и новейшего времени она проходит от Европы через Ближний Восток, Индию, Юго-Восточную Азию. Именно за этот римленд разворачивается основная борьба между мор-

ской цивилизацией англосаксов и сухопутной российской цивилизацией, Начиная, по крайней мере с XVIII в., Европа находится в центре этого противостояния. Более того, внутри нее также имела и имеет место подобная борьба [подробнее см. 1, с. 50–54].

А теперь посмотрим на историю Беларуси в системе предложенных теоретических координат.

Упомянутые в «Повести временных лет» кривичи, дреговичи, радимичи, как и другие восточнославянские племена, скорее всего, находились на той стадии политогенеза, когда сформировалось вождество, которое выступало организатором процессов трибализации и урбанизации. Затем процесс политогенеза вступает в очень важные фазы сакрализации власти правителей, проявления тенденции к приватизации при существенном увеличении производства избыточного продукта и оформления на этой волне новых государственных форм уже в двух вариантах: восточном, при котором государство подчиняет эту тенденцию в угоду устоявшимся традициям и социальной стабильности, или западном, при котором государство подчиняется этой тенденции и институционально ее оформляет. Как правило, эти процессы были связаны с объединением малых вождеств в более территориально крупные государственные объединения под началом новой власти. М. Вебер называл это «экспроприацией самостоятельных “частных” носителей управленческой власти» [6, с. 650]. При существовании язычества и вполне заурядной роли немногочисленных жрецов-волхвов процесс сакрализации власти затягивался. При этом обнаруживался пиетет к властным амбициям чужестранцев. Легче признать, что над местными князьями воцарился не один из них, не равный с ними, молящийся тем же богам, что и все, а другой – варяг, прибывший издалека, как будто специально присланный для наведения порядка. А варяги-норманны пришли к славянам не только с вооруженными дружинами для простого завоевания, а, будучи торговцами, своеобразными выразителями средневековой европейской талассократии, выступили организаторами определенного способа производства. Это был отнюдь не классический феодализм. При феодализме главным ресурсом является земля, по отношению к которой складывается система условного землевладения, представленная иерархией класса феодалов с вассально-ленными отношениями между собой и главным феодалом – королем и зависимым крестьянством. Феодалы

организуют сельскохозяйственное производство в форме феодального (вотчинного) хозяйства. Живя разбоем и торговлей, в славянских землях варяги организовали торговый путь по рекам «из варяг в греки» и наладили прибыльную торговлю с Византийской империей. Еще выдающийся русский историк В.О. Ключевский отметил, что «господствующим фактом экономической жизни в этот период является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством. Это Русь Днепровская, городская, торговая. Господствующий политический факт периода – политическое дробление земли под руководством городов» [12, с. 33]. Недаром Русь называли «страной городов». Группа российских ученых под руководством И. Фроянова разработала концепцию общинной государственности Киевской Руси по типу «городов-государств» (не княжеств, а республик), находящихся на стадии перехода от доклассового строя к классовому [17, с. 266]. Античные греческие полисы также не имели ничего общего с феодализмом. Их экономика на сегодняшний день вполне адекватно может быть охарактеризована категорией раннего античного капитализма. Между прочим, В.О. Ключевский прямо указывал на доминирование в экономике Киевской Руси торгово-промышленного капитала, называл Русскую Правду «кодексом капитала» [12, с. 284].

И вполне капиталистическая торговая экономика, и городской политогенез развивались в Киевской Руси под влиянием норманнов в соответствии с западной рыночно-частнособственнической структурой. Восточная структура оформлялась в обществах с высокой плотностью населения, занятых сельскохозяйственным производством вдоль крупных рек. Именно речные сельскохозяйственные цивилизации, вынужденные взрастить у себя мощный государственный аппарат, объединявший трудовые усилия многочисленных земледельцев и поддерживавший ирригационные системы, становились восточными деспотиями, теллуократиями. В Древней Греции, а теперь и в Киевской Руси в силу природно-климатических особенностей не могли сложиться великие речные сельскохозяйственные цивилизации. Сельским хозяйством там было по силам заниматься небольшим общинам и отдельным семьям. К тому же наличие более развитых государств, будь то Египта и стран Восточного Средиземноморья для Греции или Византии для Киевской Руси, открывало большие возможности для функционирования торгового капитала.

Экономика капитализма может функционировать не в замкнутом сухопутном пространстве одного или даже нескольких государств, а только на международной арене, при существовании международных рынков, взаимодействии цивилизаций Моря и Суши.

В XII – XIII вв. Киевская Русь переживала тяжелый кризис. При политической раздробленности государство не могло выполнять своих непосредственных функций, прежде всего, защиты от внешних врагов: усилились набеги кочевников с юго-востока, крестоносцев и балтийских племен с северо-запада; и поддержания экономики: сворачивалась торговля, приходили в запустение общинные сельскохозяйственные угодья. Итогом этого кризиса стал распад русских земель на Запад и Северо-восток, в которых под влиянием внешних завоеваний – литвы и татар стали формироваться новые государства: Великое княжество Литовское и княжество Московское. Точка бифуркации оказалась не только в политической, но и в социально-экономической и даже в цивилизационной плоскостях. В Западной Литовской Руси сохранялась западная структура, в Северо-восточной Московской – прорастали элементы восточной, завязывались нити кристаллизации евразийской сухопутной цивилизации. Причина этого кроется отнюдь не в завоевателях. Литва по уровню развития существенно уступала Киевской Руси и никак не могла быть проводником западного морского влияния, скорее, она сама оказалась под западным христианским влиянием Руси. Как заметили российские историки XIX в., победила не Литва, а ее название [18, с. 31]. Степняки-кочевники, нападавшие на Русь с востока, и татары, бывшие к тому времени уже вполне оседлым государственным народом, также никак не подходили к типу восточных сельскохозяйственных речных цивилизаций. Вообще крайне трудно внести цивилизационную матрицу в культуру другого народа. Последняя формируется только изнутри, но отнюдь не навсегда, а подвержена разным метаморфозам.

В Великом княжестве Литовском после разрушения торгового пути «из варяг в греки», ослабления Византии под ударами завоевателей, при отсутствии капитала центр экономической тяжести переместился к единственно возможному на то время ресурсу – земле. И как в Западной Европе в варварских государствах германцев, разрушивших Западную Римскую империю, так и в ВКЛ после разрушения Киевской Руси стали развиваться феодальные отношения.

Феодализм складывается в условиях ослабления государственности, политической раздробленности и разрушения хозяйственных связей, сокращения роли торгово-промышленного капитала, который затаивается до поры до времени в городах, выпавших из цепочек мировой торговли. Поскольку главным ресурсом становится земля, причем ресурсом весьма ограниченным, она выводится государством из рыночной экономики, становясь социально-политическим институтом и маркером определения общественных отношений. Капитал и рынок уходят в тень, подчиняются государству. Не случайно при феодализме мы можем наблюдать некоторое смешение элементов западной и восточной структур. Феодализм является выражением кризиса капиталистического развития, свойственного в большей степени западным структурам.

Для характеристики общественного строя ВКЛ, Польского королевства, а впоследствии Речи Посполитой понятие феодализм гораздо более уместная научная категория, чем ее применение для Киевской и Московской Руси. Дискуссия о «русском феодализме», начатая еще в XIX в., в последнее время разгорелась с новой силой. Сторонники одной из позиций в этой дискуссии отрицают наличие феодализма в истории России, так как в ней формировалась восточная структура власти-собственности, обусловленная необходимостью поддержания обороноспособности при наметившемся противостоянии с западной морской цивилизацией. Как заметил В.О. Ключевский, Московское государство складывалось как «вооруженная Россия». Его главными особенностями стали боевой строй, тяглый, неправовой характер внутреннего управления, при котором сословия различались не правами, а повинностями, и абсолютный характер верховной власти [13, с. 36].

На Западе же Руси сохранялась западная структура. ВКЛ, Польское королевство, Речь Посполитая стали сословно-представительными феодальными монархиями. В каждой европейской стране феодализм имел свои специфические особенности. Классическим принято считать феодальное устройство Франции и германских государств. В ВКЛ не сложилось четкой и многоступенчатой лестницы феодальной иерархии, скрепленной вассально-ленными отношениями. Все представители шляхетского сословия считались равными между собой, все имели гарантированное право собственности на выслуженные у великого князя, передаваемые по наслед-

ству вотчины. В соответствии с фактическим имущественным положением шляхта разделялась на несколько категорий: «голота», мелкая, средняя, крупная шляхта (бояре), магнаты (паны). Но при этом мелкий шляхтич не становился вассалом крупного магната. Это результат польского влияния. В Речи Посполитой «народ шляхетский», объединивший польскую и великокняжескую шляхту, имел уже «золотые шляхетские вольности» – набор беспрецедентных привилегий. Среди них одним из самых одиозных было «либерум вето» – право каждого шляхтича, являвшегося депутатом сейма или сеймика, запрещать принятие решения. Именно «золотые шляхетские вольности» стали важнейшим фактором государственной слабости Речи Посполитой, приведшей к фактическому безвластию и уничтожению страны в результате разделов. Таков был вектор государственного развития Речи Посполитой в XVI – XVIII вв., в то время, когда на востоке крепло самодержавное Российское государство, а на западе складывались абсолютистские монархии, в которых мощная королевская власть уже удерживала равновесие между феодалами и набиравшими силу капиталистами, всячески способствуя росту капитализма.

Подобных процессов в Речи Посполитой не было. Почему шляхта оказалась столь всемогущей, что не подчинилась государству, а напротив, подчинила государство себе? Почему, овладев государством, шляхта не смогла ответить на вызовы капитализма, а привела страну к разрушению? Почему в Речи Посполитой не сформировались капиталисты, не были накоплены капиталы, не вызрел внушительный капиталистический уклад? Это ключевые вопросы для истории Речи Посполитой раннего нового времени.

Логика западной структуры, в которой устанавливается горизонтальное взаимодействие между обществом и государством, объясняет причины и состоявшейся, и несостоявшейся модернизации. В случае успешной модернизации государство либо не мешает, либо помогает созреть новым силам, капиталистам, а потом им подчиняется, организуя общество по новым лекалам. В противоположном случае государство полностью подминается старыми силами, тем самым блокируются процессы государственной организации и поддержки новых институтов и отношений. Государство в западной структуре напоминает важный элемент, встроенный в социальную систему, поэтому, в зависимости от ситуации, он или вы-

таскивает систему на новый уровень развития, или разрушает ее вместе с собой. В восточной же структуре государство выведено из социальной системы, надстраиваясь над ней особой самостоятельной системой. Такая жесткая механическая сцепка, с одной стороны, лишает теперь уже две системы гибкости, способности к существенным внутренним изменениям, но, с другой стороны, придает всей конструкции стабильность, живучесть, способность к восстановлению после разрушительных катаклизмов. Это хорошо иллюстрирует цикличность истории Китая в форме очередных императорских династий, Индии – в форме новых государств, созданных иностранными завоевателями, России – в форме и новых государственных образований, и реформационных, и контрреформационных циклов государственного управления.

Глобальная цивилизационная логика в ответах на вопросы о силе шляхты и слабости капитализма Речи Посполитой, конечно же, должна быть дополнена спецификой ее конкретной истории. Путь развития феодализма в Западной Европе назван синтезным. Он стал результатом соединения институтов, принесенных германскими племенами, и сохранившимися со времен Римской империи. Германцы, как завоеватели, смогли обеспечить силу королевской власти и феодальной верхушки, а влияние Римской империи сказывалось в оформлении прав разных общностей, оказавшихся внизу социальной лестницы. Это диктовалось и ограниченностью земельных ресурсов, приведших к формированию сложнейших систем условного землевладения и вассальных отношений. Огромную роль в экономике и общественной жизни играли горожане, сохранявшие и приумножавшие капиталы. Горожане не поступались своими правами, среди которых было право быть представленными в общенациональных органах сословного представительства. Горожане вместе с рыцарями заседали в палате общин Англии, третье сословие было представлено в Генеральных штатах Франции. Великие географические открытия и перемещение импульсов экономического развития в Атлантику открыли дорогу западноевропейским бюргерам, торговцам и предпринимателям к накоплению капиталов. Западноевропейские страны, обращенные к Атлантическому океану, держа в своих руках мировые торговые пути, стали поочередно формировать центр мировой системы капитализма.

Развитие феодализма в Центральной и Восточной Европе оказалось бессинтезным. Славянские племена полян, положившие начало Польскому королевству, самостоятельно обустроивали свою жизнь и сельскохозяйственную экономику. У них не было завоевателей, которые бы составили класс феодалов и навязали бы им правящую династию, и они не входили в сферу влияния Римского права. Первая польская династия Пястов была местной, полянской. Впоследствии образ Пястов стал восприниматься как символ польскости, «честного предка», не военной доблести, а пасторализма. Под защитой такого предка польская знать не склонялась в вассалитете, а наращивала свои права. Достаточное количество земли не способствовало развитию сложной системы условного землевладения, накоплению капиталов в городах, отодвинутых от торговых путей Атлантики. Горожане не стали серьезной политической силой, они не были представлены в сейме. Экономические интересы шляхты, продававшей зерно центральным странам капиталистической системы, шли вразрез с национальными интересами страны, которая в результате оказалась всего лишь полупериферией мировой системы капитализма. Следствием этого стало политическое разделение польских территорий.

Волевым развязыванием польского узла точно отразило наметившиеся глубинные процессы. К концу XVIII в. Российская империя созрела в качестве центра евразийской сухопутной цивилизации и прорывалась к Балтийскому и Черному морям для выхода в Атлантику и римленду по всему периметру своей границы. В этом ей всячески препятствовала морская западная цивилизация, лидером которой становилась Великобритания. Речь Посполитая оказалась тем фрагментом римленда, который был безжалостно разорван крупными мировыми игроками «евразийской шахматной доски», по терминологии З. Бжезинского [1, с. 44–46].

Еще один ракурс рассмотрения исторической действительности предлагает теория мир-системного анализа И. Валлерстайна, терминологию которой мы уже использовали. С XVI в. в мире стала формироваться единая мир-система – мировая система капитализма или капиталистическая мир-экономика. В ее структуре выделяются три зоны: центр, полупериферия и периферия, между которыми идет борьба, приводящая к смене позиций. Объединяя идеи геополитической дихотомии и тройственного мир-системного анализа,

можно сказать, что в эпоху новой и новейшей истории центром мир-системы становится талассократия Западной Европы, затем Великобритании, впоследствии США. Она находится в противодействии с теллуократией полупериферии Евразии. Буфером между ними, но одновременно и полем их битвы, оказывается береговая линия, или, собственно, та же полупериферия капиталистической экономики. Это «евразийская шахматная доска». Остальной мир – периферия или внешний полумесяц, с точки зрения геополитики.

Белорусские земли при любых теоретических ракурсах оказываются в центре глобальных противостояний. После разделов Речи Посполитой они были втянуты в восточную структуру евразийской теллуократии. Восточное государство России управляло экономическими укладами. Общепринятые термины – государственный феодализм, государственный капитализм, государственный социализм вполне адекватно описывают проявление феномена власти-собственности в российской истории. Разбор шляхты, проводившийся царскими властями в первой половине XIX в., стал своеобразным учетом, благодаря которому шляхтичей приписали к имеющейся иерархии российских сословий.

Русская революция 1917 г. привела к полному слому государственности и глубочайшим социальным катаклизмам. Но панораму капиталистической мир-системы и геополитического противостояния она существенно не изменила. Советский Союз продолжал полупериферийное положение в капиталистической мир-экономике и оставался сухопутной державой. Изменился центр мир-системы капитализма и мировой талассократии. Им во второй половине XX в. стали США.

В революционной ломке 1917 г. интересно другое. В ней не погибла восточная структура, более того, обновившись, она лишь закалилась как сталь в горниле мартеновской печи. Не потому ли так были популярны «социализмы» и «социалистические ориентации» в странах Азии и Африки, что, помимо помощи СССР, в условиях глобального противостояния они соответствовали восточной структуре их цивилизаций?

Насколько правомерна для характеристики общественного строя СССР категория «социализм» или уточняющая «государственный социализм»? Разные мировоззренческие традиции в своем проекте социализма базировались на отрицании элементов капитализма и,

соответственно, введении их полной противоположности. На смену капиталистической частной собственности при социализме должна прийти общественная; частному присвоению – государственный контроль над распределением. Движение капитала, стремящегося к бесконечному расширению, открывающего новые рынки, вторгающегося во все сферы общества, должно смениться необходимыми с точки зрения общественных целей государственными инвестициями. Если динамика капитала стимулирует развитие рыночной системы, то социализм заменяет ее государственной монополией и планомерным распределением ресурсов. Показательно, что англо-американский капитал, субсидировавший русскую революцию, был заинтересован в установлении именно государственной монополии. С ее помощью центру мировой системы капитализма было бы легче ослабить и контролировать в своих интересах российскую экономику. С учетом даже этих немногих вышеперечисленных черт социализма как альтернативы капитализму можно сделать вывод о том, что в Советском Союзе утвердился социализм. Восточная структура с всесильным государством весьма способствовала его установлению. Это был не мутантный социализм, как часто пишут современные марксисты, а социализм, соответствующий специфике восточной структуры российской цивилизации.

Став альтернативой капитализма в деталях внутреннего устройства общества, советский социализм, как и социализм в странах Центральной и Восточной Европы, Азии оказался вписанным в мировую систему капитализма. Социалистический лагерь стал для капитализма тем внешним окружением, из которого капитализм, с одной стороны, черпал ресурсы, с другой стороны, превращал его в зону своего возможного расширения. В современных проектах социализма подчеркивается его неизбежность по двум основным причинам: в условиях глобального экологического кризиса [8, с. 56] и в условиях кризиса исторического капитализма, теряющего возможности для своего расширения, по причине дилеммы накопления по теории И. Валлерстайна [3, с. 159].

Какой же общественно-экономический строй сложился за период более чем двадцатилетнего существования суверенной Республики Беларусь? Какова социально-экономическая основа белорусской модели? Общественно-экономический строй Беларуси вполне логично характеризуется как социалистический. Отвечая в

2008 г. на вопросы британского информационного агентства «Рейтер», Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подчеркнул: «Если иметь в виду ту высочайшую степень социальной защиты нашего населения, то эту экономику и эту политику можно назвать социалистической» [16, с. 57]. В 2005 г. в Беларуси более 80 % активов являлись государственной или кооперативной собственностью, в настоящее время – около 70 %. С 1996 г. у нас восстановлено пятилетнее и годовое «прогнозирование» основных показателей развития экономики. Недаром Всемирный банк в 2000 г. отнес Беларусь к странам с командной экономикой в соответствии с индексом структурных преобразований [10, с. 14].

Употребляется понятие рыночный социализм. Как говорил А.Г. Лукашенко, «... для нашей страны вопрос сочетания социализма и рынка уже перешел в плоскость практической реализации. Рыночные механизмы хозяйствования и сильная социальная политика должны служить единой цели – эффективному социально-экономическому развитию нашего общества» [16, с. 66].

В настоящее время белорусская модель в ряде документов определяется как «социально ориентированная рыночная экономика» (СОРЭ). Однако при этом государством взят курс на либерализацию экономики, который и должен привести к установлению рыночных институтов. Кстати, еще на рубеже 1980–1990-х гг. была принята «Программа перехода Белорусской ССР к рыночной экономике», но она не была выполнена. Власти сами признают отсутствие у нас полноценной рыночной системы. Действительно, в Беларуси преобладает государственная собственность и государственное ценообразование, тогда как при рыночной экономике государство должно обеспечивать свободу ценообразования, не допуская монополизации. В 2010 г. в соответствии с индексом трансформации Фонда Бартельсмана (разработан в Мюнхенском университете) Беларусь была отнесена к странам «с плохо функционирующими либо зачаточными рыночными институтами» [10, с. 14].

Осмысление сложившегося у нас общественного устройства не праздный вопрос. Без ответа на него невозможно определять текущую политику и строить планы на будущее. Более того, на этом базируется идеологическая система. Наши трудности в этом вопросе во многом обусловлены стереотипами линейной исторической ретроспективы советского обществоведения. В соответствии с

этой позицией в общественном развитии не может быть возврата к прошлому даже на новом витке в виде гегелевской спирали. За социализмом должен последовать новый общественный строй – коммунизм. Но реалии современной жизни никак не вписываются в редкие и скупые философствования К. Маркса о коммунизме как о третичной формации. Признание труда в качестве внешней материальной необходимости и важной роли экономики в обществе свидетельствуют о пребывании нас еще во вторичной экономической формации.

Давно уже пришло время пересмотреть просветительскую идею прогресса и позитивистскую линейную эволюцию, возможно, вслед за Ф. Броделем признать отсутствие всякой социологии прогресса и порядка, оставить веру в священный принцип последовательности развития, вскрывать множественность направлений исторического развития, полиритмический характер исторического движения, наличие преемственности (континуитета), но также и разрыва связей, прерывистости (дисконтинуитета) [9, с. 199–200]. Нелинейность развития – излюбленный постулат синергетики. Развитие человеческого общества вполне адекватно описывается различными циклами: экономическими, социально-демографическими, политическими и т.д.

В целом можно говорить о том, что цикличность общественного развития проявляется, по сути, в чередовании не более чем двух устройств: в доиндустриальной цивилизации – капитализма и феодализма, в индустриальной цивилизации – капитализма и социализма. И феодализм, и социализм устанавливаются как реакция на кризисы капитализма. Эти устройства воплощают в себе два основных вида государственного управления, которые вслед за французским политологом М. Крозье обозначим как регуляции и регламентации [14, с. 190]. При социально-экологическом балансе, благоприятных экономических, политических и международных факторах общество вступает в фазу подъема, связанную с капиталистическими отношениями. Государство стимулирует развитие капиталистической рыночной экономики регулирующим управлением. При капитализме естественная для человеческого общества тенденция к приватизации получает простор для развития и поднимает экономику. Однако именно эта тенденция доводит общество до кризисов, разбалансирует его, нарушает социально-экономическое равновесие, и тогда государство жесткими командными

методами укрощает эту тенденцию и начинает заниматься социальным обустройством. В эпоху кризисного развития общество и государство неизбежно обращаются к командным регламентациям. Это, в свою очередь, также приводит общество к экономическому кризису, к нарушению равновесия и история вновь повторяется. Подобные колебания проявляются и в крупных общемировых и региональных исторических циклах, и в циклах политической истории конкретных стран, например, в смене консервативных и социалистических правительств в капиталистических странах Запада.

В такой системе координат история Беларуси приобретает новые очертания. В эпоху древнего мира восточные славяне втягивались в зоны цивилизационного притяжения теллуократии Византийской империи и талассократии германцев-варягов, которые затем сменились теллуократией России и талассократией англосаксов. Это противоборство и будет определять промежуточность, пограничность всей дальнейшей цивилизационной эволюции. В рамках западной структуры Киевской Руси, ВКЛ, РП, Беларусь пережила капитализм и феодализм, в контексте восточной структуры Российской империи и СССР Беларусь пережила феодализм, капитализм, социализм. Суверенная Беларусь оказалась в точке бифуркации между восточной и западной структурами и между социализмом и капитализмом. Подчиняясь циклическим ритмам общественного развития и императивам мировой системы в виде капиталистической экономики, мы неизбежно разворачиваемся к капитализму. От политического выбора и воли зависит, будет это происходить в рамках восточной или западной общественной структуры.

Использованная литература

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 2006. – 256 с.
2. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. – Весна 1993. Том 1. Вып. 2. – С. 137 – 150.
3. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
4. Васильев, Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 1 / Л.С. Васильев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2001. – 512 с.

5. Васильев, Л.С. Культура – источник свободы / Л.С. Васильев // Знание-сила. – 2010. – № 6. – С. 17–20.
6. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения / Сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
7. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2000 – 2012.
8. Голанский, М. Новые тенденции в мировой экономике / М. Голанский // Наш современник. – 1993. – № 4. – С. 50–62.
9. Грабски, А.Ф. Фернан Бродель: вопросы методологии истории / А.Ф. Грабски // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. – С. 194–201.
10. Злотников, Л. Номенклатура в рынок не спешила / Л. Злотников // Белорусы и рынок. – 2012. – № 16. – С. 14–15.
11. История Беларуси: в контексте мировых цивилизаций: учебно-методическое пособие / Под. ред. В.И. Голубовича, Ю.Н. Бохана. – Минск: Экоперспектива, 2011. – 464 с.
12. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций: В 2 - х кн. Кн. 1 / В.О. Ключевский. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1056 с.
13. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций: В 2-х кн. Кн. 2 / В.О. Ключевский. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1056 с.
14. Крозье, М. Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения / М. Крозье // Социология власти. – 2011. – № 2. – С. 190–200.
15. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 4. – М.: Политиздат, 1986. – С. 136–140.
16. Медведев, Р.А. Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели / Р.А. Медведев. – М.: Издательство ВВРГ (ЗАО «ББП»), 2010. – 320 с.
17. Фроянов, И.Я. Города-государства Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1988. – 269 с.
18. Широкопад, А.Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики / А.Б. Широкопад. – М.: Вече, 2007. – 496 с.